

ТЕАТРАЛЬНЫЙ И МУЗЫКАЛЬНЫЙ ВЪСТНИКЪ.

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

№ 24.

22 ІЮНЯ 1858.

Выходятъ одинъ разъ въ недѣлю (по воскресеньямъ).

Цѣна 10 руб. въ годъ; съ доставкою на домъ 11 руб. гер. иногородные прилагаютъ за пересылку 1 руб. 50 коп

Подписка принимается: въ Конторѣ журнала, находящейся въ С. Петербургѣ, при музыкальномъ магазинѣ Ф. Стеловскаго, въ Большой Морской, д. Лауфerta; въ Газетныхъ Экспедиціяхъ; въ Москвѣ, въ музыкальномъ магазинѣ Ленгольда и въ книжномъ Базунова.

Редакція находится въ Офицерской улицѣ, близъ Большаго Театра, въ домѣ Китнера, кв. № 33.

Къ 24-му № прилагается: «L'orage Sur mer», Гуммеля.

Содержаніе: Театральныя извѣстія (Н. Л. М.)—Красносельскій театр (П. Шпилевскаго).—Молодость Гете.—Замѣчательныя пѣвицы.—Бепвенуто Челлини.—Иностранный вѣстникъ.—Музыкальныя извѣстія.

ТЕАТРАЛЬНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Спектакли продолжаютъ и нельзя не поблагодарить Дирекцію, которая заботится о выборѣ пьесъ, и артистовъ — за тщательное исполненіе ролей. Не смотря на жары, публика усердно посѣщаетъ Михайловскій Театръ. Мы сказали Михайловскій потому, что пока только въ немъ и даются представленія три раза въ недѣлю. Послѣ отъѣзда въ Москву нашего знаменитаго гостя Садовскаго, мы не одинъ разъ восхищались игрой, не менѣе знаменитаго артиста нашего, В. В. Самойлова. Безъ него необходимо почти на одно представленіе, такъ мы видѣли его въ комедіи Анца «Богатая старушка и родственники ея» и хотя эта пьеса не новая и объ ней было говорено уже не разъ, по отставной брантмейстеръ Чаркинъ (Самойловъ) не можетъ наскучить. Если французскій комикъ Левассоръ приобрѣлъ знаменитость своимъ умѣньемъ гримироваться, то безъ сомнѣнія и г. Самойловъ тоже довелъ гримировку до совершенства; конечно, это большое достоинство, но оно не составляетъ всего; верхъ искусства заключается въ умѣнии придать типичность представляемому лицу, такъ чтобы зритель забылъ на время актера и видѣлъ-бы только то лицо, которое хотѣлъ изобразить авторъ. Кромѣ г. Самойлова, въ этой пьесѣ, обращаетъ особенное вниманіе и заслуживаетъ полной признательности г. Зубровъ, въ роли Лисичкина. Г. Зубровъ, артистъ съ большимъ дарованіемъ, которое онъ усовершенствуетъ все болѣе и болѣе съ каждымъ разомъ, и теперь уже съ честью занимаетъ роли нашего комика Мартынова, а

это лучшая для него похвала, потому что являясь въ роляхъ г. Мартынова задача весьма трудная, замѣтимъ при томъ, что г. Зубровъ видимо перенимаетъ только хорошее, и скоро, очень скоро утвердитъ за собой мѣсто въ ряду первоклассныхъ артистовъ. Въ послѣднее время давали, между прочимъ, драму «Она помѣшана», комедію Львова—«Предубѣжденіе» и возобновили двѣ пьесы: водевилъ «Барская спѣсь и Анютины глазки» и разговоръ для сцены «И дружба и любовь». Въ первой изъ нихъ, роль крестьянки Анюты, въ первый разъ исполнила г-жа Левкѣва и играла удовлетворительно и очень мило спѣла послѣдній куплетъ. Намъ показалоь только, что она уже слишкомъ часто расклаивалась на всѣ стороны, конечно крестьянки имѣютъ это обыкновеніе, но въ игрѣ г-жи Левкѣвой замѣтна была утрировка. Самый водевилъ, хотя содержаніе его слишкомъ свободно и растянато, смотрится съ удовольствіемъ, и любимецъ публики г. Макимовъ 1-й, весьма удачно передалъ характеръ фата Мотылькова, возвратившагося изъ-за границы съ пустыми карманами и головой, а г. Самойловъ (крестьянинъ Иванъ) былъ очень вѣренъ своей роли. Въ разговорѣ «И дружба и любовь» въ первый разъ роль княгини играла г-жа Федорова, актриса съ талантомъ и прекрасными манерами, но мы должны упрекнуть г-жу Федорову въ одномъ—она забываетъ что ее слушаютъ не двое и не десятеро, а сотни, и что въ гостиной на сценѣ можно, и даже должно говорить громко, а не шопотомъ. Не знаемъ слышеть-ли голосъ ея въ отдаленныхъ отъ сцены мѣстахъ, но въ первыхъ рядахъ креселъ мы часто не слышимъ и половины словъ, а кажется Михайловскій Театръ одинъ изъ лучшихъ въ акустическомъ отношеніи. Жаль, очень жаль что г-жа Федорова такъ бережетъ свой голосокъ, чрезъ это теряетъ публика, да и она не выигрываетъ. Пьеска «И дружба и любовь» или разговоръ, какъ хотите назовите, также не обходится безъ дялюшки, который впрочемъ не похожъ на водевильныхъ дялюшекъ, то есть не способствуетъ выдать замужъ племянницу или женить племянника, и не оставляетъ имъ наслѣдства. Онъ просто дялюшка, очень старій и разсѣленный и является въ пьесѣ не для связи чего-нибудь и не для развязки, а такъ себѣ, вѣроятно тоже по

разсѣянности, мы впрочемъ не претендуемъ на подобныхъ дялюшекъ, если въ ихъ лицѣ будетъ являться г. Самойловъ. Вообще пѣска не дурна, мысль старая: вдова княгиня скучаетъ, потомъ ей начинаетъ нравиться одинъ изъ ея знакомыхъ, Авѣринъ (г. Максимовъ 1), влюбленный въ нее, но она еще не можетъ отдать себѣ отчета въ своихъ чувствахъ къ нему, а когда Авѣринъ не видя взаимности, хочетъ уѣхать въ Москву, тогда княгиня сознается прежде себѣ, а потомъ и ему, что любить его. Сцена когда княгиня хочетъ задержать Авѣрина, подъ предлогомъ составленія реестра покупокъ въ Москвѣ—ведена была очень хорошо. О комедіи «Предубѣжденіе» такъ много писали и говорили, что уже и не знаемъ нужно-ли повторять старое. И въ этотъ разъ, какъ и прежде, много аплодировали г. Григорьеву и г-жамъ Лисской, Орловой и Сиѣтковой 3, послѣдняя была вызвана нѣсколько разъ. По прежнему, послѣ окончанія пѣсы послѣдовалъ вызовъ *всѣхъ* и автора, котораго впрочемъ въ театрѣ не было: аплодировали и г. Малышеву какъ заслуживающему поощреніе. Г. Яблочкинъ хорошъ въ этой пѣсѣ, но нельзя не замѣтить, что онъ довольно однообразенъ въ своихъ роляхъ. Интонація голоса г. Яблочкина почти всегда одинакова, манеры также, представляетъ ли онъ Англичанина или Француза, да кажется и въ костюмахъ онъ старается выказать постоянство, которое можетъ быть и нравится нѣкоторымъ, но по нашему мнѣнію, это вообще похвальное качество, въ актерѣ—большой недостатокъ. Игра г. Яблочкина чрезвычайно односторонна и не нужно афиши чтобы узнать его, если-бы даже онъ и ничего не говорилъ. Въ драмѣ «Она помѣшана» роль Сира Гарлейга по обыкновенію прекрасно исполнилъ г. Максимовъ 1-й; въ водевилѣ «Голь на выдумки хитра» г-жа Стрѣльская протанцовала *la madrilaine*, танецъ самъ по себѣ увлекательный, если исполняется танцовщицей и въ соответствующемъ его характеру костюмѣ, но памъ казалось, что длинное платье г-жи Стрѣльской какъ то не гармонировало съ одушевленнымъ испанскимъ на, въ которомъ насъ такъ часто восхищали г-жи Черито и Муравьева. Въ послѣднее время часто появляется на сценѣ даровитая артистка паша г-жа Шубертъ и мы всегда съ удовольствіемъ слѣдимъ за прекрасной игрой ея.

Н. Л. М.

КРАСНОСЕЛЬСКІЙ ТЕАТРЪ.

Красное село, какъ извѣстно, оживляется лѣтомъ по случаю лагерныхъ полковыхъ стоянокъ: послѣ такъ-называемаго майскаго парада, большая часть войскъ, стоящихъ въ Петербургѣ, передвигается къ ближайшимъ окрестностямъ Краснаго села, и тамъ, на мѣстѣ мрачныхъ пустынныхъ полей, образуются цѣлые ряды бѣлыхъ полотняныхъ палатокъ; это — дачи военныхъ; впрочемъ семейства ихъ поселяются въ слободкѣ и отчасти въ самомъ Красномъ селѣ, которое — дѣйствительно похоже на село; единственнымъ его украшеніемъ небольшая каменная церковь и чистенькій дворецъ,

расположенный на значительной высотѣ и такъ сказать закутанный въ роскошную густую зелень. У подошвы этой высоты на полуверстовомъ разстояніи отъ села и палатокъ (баранъ) — тоже въ зелени помѣщается чистенькое—прчистенькое деревянное зданіе, въ которомъ устроенъ театръ для лѣтнихъ спектаклей во время лагерной стоянки. Театръ этотъ существуетъ около десятилѣтъ: постройка, ремонтъ и временная труппа его, состоящая изъ артистовъ Императорскихъ Петербургскихъ театровъ, содержатся на складчинныя суммы г-дѣ офицеровъ, подъ дирекціею штабсъ-капитана К. М. Уш...ва, человека образованнаго, съ артистическимъ настроеніемъ въ душѣ. При его усердіи и внимательности къ возложенной на него обязанности, спектакли въ Красносельскомъ театрѣ устраиваются изъ отборныхъ пѣсѣ и дивертисментовъ, въ составъ которыхъ входятъ пѣіе артистовъ оперной труппы и танцы лучшихъ нашихъ танцовщицъ—корифеекъ. Очень понятно послѣ этого, что Красносельскій театръ назначенъ собственно для военныхъ, которые обыкновенно заблаговременно абонируются на ложи и даже на большую часть кресель. И нельзя не согласиться, что съ устройствомъ театра, во время лагерной жизни военныхъ, соединяется самая свѣтлая, благородная цѣль: доставить возможность временнымъ жителямъ лагерныхъ палатокъ, послѣ ученія и вообще трудныхъ занятій, отдохнуть душой и сердцемъ въ театрѣ, гдѣ при изысшнемъ разумномъ направленіи современной русской сценической литературы, можетъ быть не одному придется услышать откликъ на знакомую, какъ-то затаенно шевелящуюся мысль и провѣрить свой неустановившійся взглядъ на вещи подъ вліяніемъ гласно-сказанной истины; если же нѣкоторымъ не дано это, то, по крайнѣйшій мѣрѣ, придется имъ провести вечеръ, въ кругу своихъ товарищей, съ эстетическимъ наслажденіемъ, которое, вмѣстѣ съ наукою, предлагаетъ сценическое искусство; все же, согласитесь, лучше провести время въ театрѣ, чѣмъ за круговой пѣпляющею чашей или у *зеленою квадратнаго поля*... Быть можетъ, подчасъ, какая-нибудь дѣльная пѣса патолкнетъ кого на болѣе полезное, разумное. Какъ часто въ жизни нашей, одинъ какой-нибудь незамѣтный толчокъ останавливаетъ въ минуты даже крайняго *паденія*: счастливъ тотъ, чье сердце еще открыто и доступно для подобныхъ толчковъ. Все это мы говоримъ потому, что многимъ изъ военныхъ приходится гораздо чаще бывать въ театрѣ во время лагерной жизни, чѣмъ въ городѣ, и особенно въ театрѣ русскомъ: бѣдный русскій театръ!.. все еще нѣкоторые смотрятъ на тебя какъ-то недовѣрчиво подъ вліяніемъ своего французскаго дѣтства. Какъ будто и справедливъ такой взглядъ?.. Какъ поприемотрятся къ русской труппѣ, да познакомятся съ *здравымъ* смысломъ современныхъ русскихъ пѣсѣ, такъ пожалуй, будутъ снисходительнѣе къ русскому, родному театру, а это снисхожденіе и, потомъ, пожалуй, вниманіе къ нему могутъ содѣйствовать его развитію; безъ сочувствія высшаго, образованнаго класса, и самое сценическое искусство не можетъ двигаться впередъ по самой простой причинѣ: всякое дѣло требуетъ поощренія. А вчужѣ, пріятно видѣть, какъ въ Красносельскомъ театрѣ собирается общество военныхъ: какъ будто, одна

семья взъ одного дома. Впрочемъ, встрѣчаются иногда тамъ и посторонніе, невоенные, но не иначе какъ люди знакомые. Это большею частію пріѣзжіе изъ Царскаго села или изъ Петербурга, отъ котораго, какъ извѣстно, идетъ теперь, близъ Краснаго села, Штиглицкая Петергофская желѣзная дорога; отъ станціи — ходятъ дилижансы. Жаль только что вечеромъ дилижансы отходятъ довольно рано, раньше окончанія (одиннадцати часовъ) спектаклей. Начало же спектаклей въ восемь часовъ. Цѣны въ креслахъ, полтора рубля серебромъ.

Самое зданіе Красносельскаго театра по величинѣ не уступаетъ Михайловскому. Въ нынѣшнемъ году оно возобновлено и въ немъ сдѣланы довольно значительныя пристройки: спереди у входа крытый подъѣздъ и по сторонамъ (снаружи) тоже крытыя галереи. Эти постройки придають не мало красоты всему зданію. Внутри, очень комфортабельная сцена съ мужскими и женскими уборными по сторонамъ; ложь — два яруса; кресель — двѣнадцать рядовъ (до полутора мѣста), и мѣста за креслами; три входа для посѣтителей внизу и два — сверху. Возлѣ театральнаго зданія — красивенькій паркъ-цвѣтникъ; дальше гостиница съ номерами для пріѣзжихъ, и общая столовая для артистовъ; до нынѣшняго года артистамъ приготовлялся столъ и чай; теперь имъ выдаютъ на дневный расходъ по три рубля серебромъ, кромѣ платы спектакльной. Спектакли даются три раза въ недѣлю: по вторникамъ, четвергамъ и пятницамъ. Первое представленіе было на прошедшей недѣлѣ, во вторникъ (17 іюня). Для перваго раза даны были три пьесы: сначала — *Полтора рубля*, шутка-водевиль, въ которомъ такъ удачно копируетъ г. Горбуновъ, въ роли лѣниваго школьника, кухарку и пьянаго дворника, а г-жа Громова вѣрно олицетворяетъ маменьку, балующую сына и восхищающуюся его французскимъ языкомъ. Потомъ шла извѣстная комедія г. Н. Львова: *Предубѣжденіе*, пользующаяся до настоящихъ поръ большимъ успѣхомъ. О пьесѣ этой было уже говорено въ Театр. Вѣстникѣ и мы повторимъ только, что всѣ артисты съ любовью исполняютъ въ ней свои роли: особенно удалось г. Григорьеву съ какою-то особенною энергіею, въ этотъ вечеръ, воспроизвести личность раздражительнаго, по добраго генерала. Г-на Максимова приняли красносельцы громомъ рукоплесканій самыхъ продолжительныхъ. Г-жа Ситкова еще съ большею натуральностію и правдою, чѣмъ въ первыхъ представленіяхъ, передала роль шаловливой, умненькой Паденьки, дочери генерала; она какъ-то шопотомъ произноситъ извѣстную фразу: *выйду, papa* и потомъ лукаво-умильно поглядываетъ на отца, какъ бы испрашивая прощаніе у него за своевольную выходку. Это значительно увеличиваетъ эффектъ житейской дѣйствительности.... Роль Голумбицкаго исполнена новымъ артистомъ, г. Яблочкинъ (вмѣсто Каратыгина) и нужно замѣтить — очень удачно: красносельская публика много аплодировала ему; онъ представилъ какого-то припосаженнаго господина, именно приличной наружности, какъ сказано у автора, господина, сознающаго свое денежное достоинство и считающаго себя жепихомъ хоть куда. Мы думаемъ, что г. Яблочкинъ, который иногда утрируетъ нѣкоторыя роли, какъ-то попалъ на сред-

ную его таланту роль: въ ней онъ, вѣрно, правится самому автору: именно Голумбицкій выходитъ въ такой игрѣ и даже самыхъ манерахъ, взятыхъ г. Яблочкинъ изъ дѣйствительной жизни. Не слѣдовало бы только слишкомъ измѣнять акцентъ: нѣкоторыя слова г. Яблочкинъ неправильно произносилъ; слишкомъ ужъ часто переносилъ ударенія на другіе слоги, вопреки чисто-русскому выговору. Въ антрактѣ пѣли гг. Васильевъ и Мео, и были награждены рукоплесканіями. Въ заключеніе шелъ водевиль: *Купленный выстрѣлъ*, въ которомъ г. Самойловъ является живымъ англичаниномъ (въ роли чудака-англичанина), который воображаетъ, что онъ чисто *говоритъ русскаго языка*. Извѣстно, что артистъ въ этой роли комически смѣшитъ зрителей не только представленіемъ личности, но даже самыми жестами и оригинальною гримировкою. Въ слѣдующіе дни — даны были: *Ростовщикъ*, *Голь на выдумки хитра* и проч. Въ Четвергъ танцевала г-жа Кошева, потомъ г-жа Лядова и, какъ водится, съ тою же милою граціею и воздушностію, какъ и всегда. Особенно много аплодировали г-жѣ Лядовой, которая, въ послѣднее время, рѣшительно становится въ первые ряды петербургскаго балета.

П. ШПИЛЕВСКІЙ.

МОЛОДОСТЬ ГЕТЕ

(Продолженіе).

II.

На Гете имѣлъ большое вліяніе Гердеръ, который былъ пятью годами старше его, и пользовался уже повсемѣстною извѣстностію, онъ лечился въ Страсбургѣ отъ глазной болѣзни, и выдержавъ чрезвычайно-опасную операцію, откуда ни показывался въ продолженіи цѣлой зимы. Гете очарованный умомъ Гердера, дорожилъ его знакомствомъ и посѣщая его ежедневно два раза, съ жадностію внималъ словамъ учителя, съ которымъ не сходясь во многомъ.

Гердеръ религіозный, точный въ своихъ дѣйствіяхъ, суровый и къ самому себѣ и другимъ, совершенно былъ похожъ на Гете, который находился постоянно въ волненіи, стараясь исполнить свои иногда неисполнимыя желанія, но вмѣстѣ съ тѣмъ нѣжный и кроткій со всѣми. Не смотря на такое различіе характеровъ, эти два человека были постоянно вмѣстѣ и суровость Гердера, оттолкнувшая отъ него многихъ, не была страшна для Гете, умѣвшаго приспособиться ко всякому характеру. Удивительно, что умный Гердеръ не скоро призналъ Гете—гениемъ. Миѣние какое онъ имѣлъ о Гете, въ это время, очень хорошо видно изъ письма его къ своей невѣстѣ: (февраля 1772 года), «Гете добрый молодой человекъ, только немного легковѣрный и неосновательный въ своихъ дѣйствіяхъ, за что я его упрекаю ежедневно, но это не мѣшаетъ миѣ искренно любить его и благодарить за частыя бесѣды со мной. Во время моего долгаго заключенія въ Страсбургѣ, мой юный другъ Вольфгангъ не оставлялъ меня. Надѣюсь, что съ своей

стороны и я былъ полезенъ ему своими совѣтами, плоды которыхъ мы увидимъ впоследствии.

Кромѣ Гердера, Гете посѣщалъ и любилъ семейство Брюнонъ и съ восторгомъ вспоминалъ о Сезенгеймѣ—колыбели Фредерики Брюнонъ. Ни одна изъ женщинъ, имѣвшихъ вліянія на Гете, не могла сравниться красотой съ Фредерикой, о которой Вольфгангъ такъ увлекательно писалъ въ своемъ дневникѣ, что читая это невольно представлялся воображенію, портретъ его очаровательной Фредерики.

Сезенгеймъ расположенъ вблизи Страсбурга и охотно посѣщался путешественниками. Мы всегда съ удовольствіемъ отправлялись отдыхать въ домикъ стараго востора Брюнона гулять въ саду, въ которомъ студентъ Юганнъ Вольфгангъ Гете провелъ много счастливыхъ дней своей молодости, разговаривая съ Фредерикой о любви своей. Да, воспоминанія о Сезенгеймѣ сохранились у Вольфганга до послѣдняго часа его жизни. Секретарь *) которому Гете диктовалъ свою исторію, передавалъ намъ слѣдующее.—Извѣстно, что Гете, когда онъ диктовалъ что нибудь, имѣлъ привычку ходить по комнатѣ, залажа руки за спину, но когда ему нужно было говорить о Сезенгеймѣ и Фредерикѣ, онъ останавливался на каждой фразѣ, чтобы собраться съ мыслями, потомъ, послѣ долгаго молчанія начиналъ говорить и въ голосѣ его было замѣтно дрожаніе.

Фредерика была похожа на нѣжную Маргариту Фауста. «Кого полюбилъ Гете, говоритъ она, тотъ незахочетъ больше никому принадлежать.» Развѣ въ этихъ словахъ не слышна восхитительная любовница Фауста. Говоря о Фредерикѣ, мы оставимъ въ сторонѣ всѣ нескромныя выдумки на ея счетъ, и кетати приведемъ слова Гамлета: «Если ты будешь скромна какъ зеркало, и бѣла какъ снѣгъ, говорить онъ Офеліи, то все таки не избѣжишь клеветы.» Однимъ не правилась Фредерика и они старались приписывать ей все дурное, другіе напротивъ, находили ее прелестною, но всѣ ставили Гете въ вину любовь его къ Фредерикѣ и извѣстный профессоръ Пеке, умершій въ Боннѣ въ 1838 году, написалъ сочиненіе, подъ заглавіемъ: *Поклопеніе Сезенгейму*, въ которомъ бросаетъ позорную тѣнь, на бѣдную Фредерику. Сочиненіе это названо серьезнымъ изслѣдованіемъ, но Пфейферъ своими замѣтками, въ которыхъ содержится почти вся переписка Фредерики, смыслъ пятно, наложенное дерзкой рукой клеветника.—Мы знаемъ, что многіе изъ біографовъ Гете, отрицають дѣйствительное существованіе писемъ Фредерики, распубликованныхъ профессоромъ, но мы не согласны съ этимъ и ссылаемся на статью Кюне, который ни минуты не сомнѣвался въ существованіи ихъ.

Мы выпишемъ нѣкоторыя изъ этихъ писемъ адресованныя къ одной изъ ея подружекъ.

«Мнѣ надоѣло переписывать длинныя проповѣди, за которыми сижу я съ четырехъ часовъ, а теперь уже пробило девять, и я еще не кончила своей работы, матушка поручила мнѣ пригласить тебя къ намъ. Отецъ мой все сидитъ

въ своемъ кабинетѣ. Мы ожидаемъ сегодня Вейланда. До скорого свиданья.

Твоя Фредерика.

Сезенгеймъ. Понедѣльникъ.

У насъ былъ Вейландъ съ другомъ своимъ Вольфгангомъ о которомъ мы слышали такъ много интереснаго. Они провели въ Сезенгеймѣ два дня и надо признаться, что это было самое счастливое время для насъ. Я не умѣю описать тебѣ какъ мы веселились; вообрази себѣ, что Вольфгангъ представился такимъ навнымъ и скромнымъ, что никто и не подозрѣвалъ въ немъ умнаго и веселаго Гете, который сочиняетъ такіе прекрасные стихи. Вейландъ рекомендовалъ его какъ прилежнаго и бѣднаго студента, которому онъ хотѣлъ доставить какое нибудь развлеченіе. Мой отецъ бесѣдовалъ съ Гете о богослуженіи и тотъ въ своемъ сѣромъ рединготѣ, толковалъ о пользѣ проповѣдей и о значеніи проповѣдника. Мы всѣ дались въ обманъ, хотя матушка и говоритъ, что она сейчасъ догадалась, что Гете надѣлъ на себя маску.

Слушай-же теперь со вниманіемъ. Въ воскресенье мы гуляли по полю около мельницы и разговаривали о Гете, который еще рано утромъ ни съ кѣмъ не поздоровавшись, скрылся куда-то. Вдругъ встрѣтили мы Жоржа, одѣтаго въ праздничное платье и съ какимъ-то узелкомъ въ рукахъ. Здравствуй Жоржъ! закричала я ему издали, что это ты несешь? Хлѣбную лепешку, отвѣчалъ онъ, приподнимая шляпу. Опнеси-же ее къ намъ, сказала сестра и если матушки нѣтъ дома, такъ отдай служанкѣ, а самъ не уходи и подожди насъ, мы скоро придемъ. Очень хорошо-съ, отвѣчалъ Жоржъ, и пошелъ дальше. Передъ обѣдомъ я отправилась въ свой любимый лѣсъ, въ которомъ такъ много соловьевъ, и какъ ты думаешь, кого я тамъ встрѣтила? Жоржа, сидящаго на моей скамейкѣ и зѣвающаго по сторонамъ. Что ты тутъ дѣлаешь? сказала я. Онъ молчалъ, и вообрази мое удивленіе, когда я въ минимомъ Жоржѣ узнала нашего вчерашняго гостя Вольфганга. Онъ какъ будто сконфузился и просилъ извиненіе. Изволишь видѣть, ему совѣстно было оставаться у насъ въ своемъ костюмѣ для верховой ѣзды, такъ по этому онъ и придумалъ перерядиться. Онъ умолялъ меня быть одинаково любезною и снисходительною къ Жоржу изъ Друзенгейма и къ Жоржу изъ Страсбурга онъ прибавилъ, что сперва хотѣлъ убѣжать въ Страсбургъ, чтобы переменить костюмъ, но что дорогою ему пришла мысль позабавить насъ. Но это еще не все, слушай дальше. Въ эту самую минуту подходятъ къ намъ Вейландъ и сестра, Они очень удивлялись увидавъ меня вмѣстѣ съ Жоржемъ. Тутъ посыпались вопросы и все объяснилось. Тогда Вейландъ дружески пожавъ руку Гете сказалъ: я узнаю въ тебѣ моего веселаго друга Вольфганга. Мы пошли въ садъ и оттуда домой, когда вошли въ комнату, то старички наши сидѣли за столомъ. Батюшка, сказала я, если ты хочешь чтобы Жоржъ обѣдалъ сегодня съ нами, такъ позволь ему не снимать шляпы. Я согласенъ, сказалъ старикъ, но для чего эти шутки, развѣ Жоржъ боится простудить свой мозгъ? Нѣтъ, по у него на головѣ птичья гнѣзда. Гете сѣлъ за столъ и отецъ обращался къ нему съ вопросами, кото-

*) Краутеръ, умершій въ 1856 году.

рые обыкновенно дѣлалъ Жоржу. Наконецъ когда встали въ за стола, является настоящій Жоржъ изъ Друзенгейма. Всѣ смѣялись отъ души и благодарили Гете за его шутку. Вообще эти дни твоя Фредерика провела совершенно счастливо. Какъ хорошъ милый Вольфгангъ! Онъ обѣщалъ мнѣ прислать книгъ изъ Страсбурга...»

Пятница.

«Знаешь-ли ты, милый другъ, что я получила новое названіе, меня всѣ величаютъ *Сезенгеймской предсказательницей*. И вотъ это какъ случилось. Вчера я гадала и сказала своимъ домашнимъ, что Гете долженъ пріѣхать къ намъ сегодня утромъ, представь ихъ удивленіе, когда Гете точно явился сегодня въ Сезенгеймъ. Тебѣ я должна сознаться, что мнѣ легко было предсказывать, потому что наканунѣ я получила черезъ Жоржа книги и письмо отъ Вольфганга. Гете съ каждой минутой заставляетъ любить себя все больше и больше... Сегодня онъ явился такимъ франтомъ въ камзолѣ, обшитомъ галунами, и съ прекрасной шляпой. Умъ и веселость его не истощимы, а шутки забавны и благородны.

Читая эти строки, ты можетъ быть подумаешь, что я влюблена въ Гете, итъ мой другъ, я благоговѣю передъ нимъ и люблю его всей душой. Когда во время нашихъ прогулокъ и чтенія онъ сообщаетъ мнѣ свои умныя замѣчанія, я незнаю тогда удивляться-ли ему или любить его. Онъ вырѣзалъ на деревѣ наши имена и при этомъ сказалъ мнѣ экспромтомъ стихи въ которыхъ называетъ меня *своей жизнью*. Я очень счастлива и не понимала до сихъ поръ что можно плакать отъ радости. Тетушка моя непременно желаетъ чтобы мы пріѣхали въ Страсбургъ, отказать ей невозможно, но мнѣ жаль разстаться съ моими милыми деревьями и цвѣтами...

(Продолженіе впрѣдъ).

ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЯ ПѢВНИЦЫ.

Г-жа Мара. (M-me Mara),

Была холодная, темная ночь; фонари погасли на улицахъ маленькаго городка Касселя и только во второмъ этажѣ домика, на концѣ города, свѣтился слабый огонь. Въ мрачной, бѣдной комнатѣ, на старой изломанной кровати, лежитъ молодая женщина; черты ея правильны и благородны, но изнурены страданіемъ; на вискахъ щекахъ играетъ болѣзненный румянецъ, дыханіе тяжело и прерывисто; сухой кашель волнуегъ грудь; бо льная часто подноситъ къ губамъ платокъ и всякій разъ на немъ видѣются кровавыя пятна. Стоны молодой женщины смѣшиваются съ жалобнымъ плачемъ ребенка, лежащаго въ колыбели.

Не вдалекѣ отъ кровати сидитъ мужчина и съ тихою грустью смотритъ на больную. Стукъ въ дверь заставилъ его очнуться отъ задумчивости. Вошелъ докторъ, чело-вѣкъ лѣтъ 50, съ добрымъ и важнымъ лицомъ. Взглянувъ на больную, онъ грустно покачалъ головой и сказалъ сб-раясь вытти.

— Будьте тверды, г. Шмелингъ!

Несчастный хорошо помялъ слова доктора.

— Такъ итъ никакой надежды! вскричалъ онъ, рыдая. Докторъ не ошибся. Болѣзнь молодой женщины была неизлечима, въ эту-же ночь, больная умерла.

Шмелингъ едва не сошелъ съ ума отъ горя. Бѣдный и не искусный скрипачъ, онъ женился по любви на кроткой Аннѣ, бѣлокурой и пѣжной дѣвушкѣ, олицетворявшей восхитительный типъ поэтической германской красоты. Не прошло году со времени его женитьбы, какъ счастье музыканта еще болѣе увеличилось рожденіемъ дочери, но смерть лишила его пѣжной подруги и бѣдный Шмелингъ потерялъ навсегда радость и покой.

Когда прошелъ первый порывъ отчаянія, Шмелингъ понялъ, что долженъ жить для ребенка; для дорогой Э. лизы, живаго портрета своей матери. Шмелингъ употребилъ всѣ силы, всю свою энергію, чтобъ отличиться въ мірѣ искусствъ, но всѣ успія добраго отца были безуспѣшны, онъ по прежнему остался плохимъ скрипачемъ и получалъ ничтожное жалованье. Занятія его заставляли уходить на цѣлый день изъ дому. Будучи не въ состояніи папять своей дочери пляску, онъ привязывалъ дѣвочку на большомъ креслѣ и оставлялъ одну. Подобное физическое воспитаніе имѣло самыя вредныя послѣдствія. Ребенокъ становился все слабѣе и началъ страдать англійскою болѣзнию; трехъ лѣтъ Элиза еще не умѣла ходить.

Шмелингъ иногда починалъ старые инструменты. Однажды Элиза, ей было тогда 4 года, увидѣла на столѣ скрипку и начала перебирать струны. Каково-же было удивленіе музыканта, когда возвратясь домой, онъ услышалъ какъ дѣвочка безукоризненно вѣрно сыграла гамму, хотя до того дня не имѣла ни какого понятія о музыкѣ. Съ этого дня Шмелингъ началъ ей давать аккуратно уроки, ребенокъ выказывалъ удивительную понятливость. Передавъ ей первоначальныя правила скрипичнаго искусства, отецъ дѣвочки позволилъ ей приняться за небольшія піесы и черезъ нѣсколько времени Элиза могла даже играть дуэты съ отцомъ.

Музыкальные феномены считались болѣею рѣдкостью въ то время; тогда еще не существовали усовершенствованныя методы, ускоряющія развитіе способностей и открывающія гениальныя таланты. Что кажется намъ теперь довольно обыкновеннымъ, въ то время считалось невѣроятнымъ; нѣкоторые легковѣрные умы утверждали, что непременно тутъ вмѣшалась нечистая сила. Скоро въ Касселѣ только и говорили что о необыкновенномъ ребенкѣ и самыя странныя рассказы, самыя нелѣпыя слухи, поились объ Элизѣ. Одни предполагали, что отецъ ея заключилъ договоръ съ дьяволомъ, другіе увѣряли, что видѣли какъ каждый вечеръ около дома музыканта бродитъ какой-то незнакомецъ, съ сатанинской физиономіей. Этимъ сплетнямъ, распространяемымъ людьми праздными, охотно вѣрили глупцы, которыхъ не мало въ каждой странѣ.

Но подобныя выдумки казались нелѣпыми и смѣшными дворянамъ и образованнымъ гражданамъ города Касселя. Они сильно желали услышать маленькое чудо, возбуждившее столько разнородныхъ толковъ. Сначала Шме-

лингъ не соглашался на предложенія кассельскихъ дилетантовъ устроить концертъ; но боясь своимъ отказомъ поссориться съ городекою знатью и потерять послѣднюю практику, бѣдный музыкантъ уступилъ настоятельнымъ требованіямъ своихъ согражданъ. Кто знаетъ, думалъ Шмелингъ, можетъ быть я и поправлю свои дѣла, неизвѣстно, что суждено моей дочери, можетъ быть она прославится.

Получивъ согласіе Шмелинга, дилетанты выбрали для концерта огромную залу въ одномъ изъ лучшихъ городскихъ зданій, и музыкальный сеансъ, ожидаемый съ такимъ нетерпѣніемъ, назначенъ 16-го полбра 1753 года.

Многочисленная, избранная публика собралась въ концертъ. Шмелингъ вынесъ на рукахъ ребенка, поставилъ его на кресло и далъ одну изъ лучшихъ своихъ скрипокъ. При первыхъ звукахъ инструмента, во всѣхъ частяхъ залы, водворилось глубокое молчаніе, прерываемое по временамъ шепотомъ удивленія и восторга.

Въ самомъ дѣлѣ, рѣдко можно было встрѣтить болѣе совершенства въ игрѣ задушевной и вмѣстѣ блестящей. Элиза возбудила энтузіазмъ; въ то время ей не было еще пяти лѣтъ.

Сборъ былъ очень хорошъ и Шмелингъ могъ порадоваться вдвойнѣ успѣху дочери, улучшившему его денежные обстоятельства. Счастіе еще разъ улыбнулось бѣдному музыканту; на другой день концерта онъ получилъ слѣдующее письмо:

«Любезный г. Шмелингъ,

«Я вполне насладила вчера удивительнымъ талантомъ вашей милой Элизы, наравнѣ съ другими любителями музыки нашего города. Очень жаль, если такіа блестящія способности не получать должнаго развитія. Я богатъ и люблю изящныя искусства, позвольте мнѣ заняться воспитаніемъ вашей дочери. Завтра поѣзжайте съ Элизой въ Франкфуртъ. Вотъ вамъ вексель въ двѣсти экю, въ продолженіе десяти лѣтъ вы будете получать такую же сумму каждый мѣсяцъ. Въ Франкфуртѣ живетъ одинъ изъ моихъ друзей, опытный хирургъ, онъ беретъ непремѣнно вылечить вашу дочь, и въ самое короткое время, безъ сомнѣнія, Элиза будетъ ходить также хорошо какъ вы и я.

«Совѣтую завтра-же отправиться въ дорогу. Не старайтесь узнавать моего имени; всѣ ваши старанія будутъ напрасны.

Любитель музыки.»

Кто былъ неизвѣстный покровитель? Знатный-ли богачъ, мильонеръ банкиръ, или просто оригиналь, одинъ изъ тѣхъ восторженныхъ фанатическихъ меломановъ выказывающихъ въ пылу увлеченія самую сумасбродную роскошь? Такіе вопросы задавалъ себѣ Шмелингъ и терялся въ догадкахъ, онъ хотѣлъ-бы пожать руку незнакомому благодѣтелю и отблагодарить его. Впрочемъ, думалъ онъ, я долженъ уважить его желаніе остаться неизвѣстнымъ. Къ тому же вексель приложенный къ письму и самое письмо не были похожи на мистификацію. Шмелингъ не замедлилъ воспользоваться такимъ благопріятнымъ случаемъ и на другой день отецъ и дочь отправились въ Франкфуртъ.

Въ этомъ городѣ Элиза, подъ руководствомъ отличныхъ

учителей, дѣлала быстрые успѣхи. Въ это-же время отецъ ея занялся серьезно, физическимъ и нравственнымъ воспитаніемъ дѣвочки. Болѣзнь въ ногахъ совершенно прошла и она могла свободно ходить. Девяти лѣтъ Элиза была прехорошенькая дѣвочка. Черты ея сформировались, глаза сдѣлались выразительны, талія стройная и гибкая; талантъ усовершенствованный глубокимъ изученіемъ, доставилъ ей громкую извѣстность. Тайнственный покровитель исполнялъ свое обѣщаніе съ величайшею точностію.

Послѣ пятилѣтняго пребыванія въ Франкфуртѣ, Элиза поѣхала съ отцомъ въ Вѣну и дала тамъ нѣсколько концертовъ съ большимъ успѣхомъ. Англійскій посланникъ, одинъ изъ ревностнѣйшихъ почитателей ея таланта, предложилъ дѣвочкѣ съѣздить въ Лондонъ, гдѣ, увѣрялъ онъ, Элиза произведетъ непремѣнно большое впечатлѣніе.

Шмелингъ снабженный рекомендательными письмами посланника, отправился съ дочерью въ Лондонъ. Это было въ 1760 году. Многіе великіе итальянскіе маэстро развили въ Англии любовь къ музыкѣ; образовалась опера, начали основывать школы, филармоническія общества, и самыя важныя представители британской аристократіи поддерживали своимъ вліяніемъ и богатствомъ усовершенствованіе музыкальнаго искусства. Удостоверясь, что музыка не только услаждаетъ слухъ, но образуетъ вкусъ и смягчаетъ нравы, холодные британцы осыпали золотомъ тѣхъ кто посвятилъ себя этому искусству; знаменитые артисты встрѣтили самый блестящій пріемъ въ Англии, какой-бы съ трудомъ нашли въ другихъ странахъ Европы.

Разумѣется и Элиза Шмелингъ была принята въ Лондонѣ очень радушно. Ея способности такъ быстро развитыя и граціозная красота, возбудили общее участіе. Призванная играть при дворѣ, маленькая виртуозка произвела фуроръ и была представлена королевѣ. Все аристократическое общество, знаменитости парламента, англійскіе денди, наполнили залу во время концертовъ Элизы. Только нѣкоторые люди возстали противъ такихъ восторженныхъ изліяній; скрипка казалась имъ не приличнымъ инструментомъ для женщины, и онѣ выражали свое неодобреніе ледянымъ равнодушіемъ, а иногда и горькими насмѣшками. Подобныя выходки заставили Элизу отказаться отъ скрипки и дать другое направленіе своимъ музыкальнымъ занятіямъ.

У Элизы Шмелингъ былъ звучный, обширный, гибкій голосъ, которому не доставало усовершенствоваться хорошей методой, чтобъ производить эффектъ. Въ то время въ Лондонѣ, жилъ молодой профессоръ пѣнія Парадизи, лучшій музыкальное образованіе въ лучшихъ школахъ Италіи. Находясь еще недавно въ Англии онъ скоро приобрѣлъ громкую извѣстность и имѣлъ множество учениковъ изъ аристократическаго круга. Элиза также сдѣлалась его ученицей; Парадизи тотчасъ-же замѣтилъ въ молодой дѣвушкѣ быструю понятливость, большую чувствительность и удивительный драматическій инстинктъ. Пораженный такими рѣдкими качествами онъ ревностно занялся образованіемъ молодой дѣвушки, предвидя въ ней будущую знаменитость. Дѣвица Шмелингъ вполне оправдала его ожида-

ня, ея дебюты въ Лондонѣ, какъ пѣвицы, доставили ей большое торжество.

Въ это время бѣдная дѣвушка, въ первый разъ узнала страданія талантливой артистки, у которой зависть и интриги оспариваютъ мѣсто, приобретаемое талантомъ и долгимъ терпѣніемъ. Соперницы, которыхъ Элиза угрожала затмить, стали ее преслѣдовать; нѣкоторые журналисты пособили имъ своими статьями, къ нимъ присоединились многіе праздные денди большого свѣта. Закулисные интриги удалась, мало-по-малу равнодушіе заступило мѣсто энтузіасма и Элиза Шмелингъ принуждена была оставить Лондонскую сцену.

Отецъ совѣтывалъ ей возвратиться въ Кассель. Онъ надеялся, что дочь его займетъ тамъ мѣсто достойное своего таланта, но и эта надежда скоро рушилась. Принцъ жаловалъ исключительно заальпійскихъ пѣвцовъ и Элизу приняли очень холодно.

Есть организаціи, энергія которыхъ еще сильнее пробуждается при видѣ препятствій. Элиза Шмелингъ была подобнымъ рѣдкимъ явленіемъ. Неудачи не привели ее въ отчаяніе, она сохранила по прежнему свое довѣріе, свѣтлый взглядъ на жизнь; сознаніе собственнаго достоинства и твердо вѣря въ будущее рѣшилась, не смотря на зависть, и притѣсенія, завоевать первое мѣсто, въ области искусства.

Въ 1766 году Гиллеръ основалъ въ Лейпцигѣ музыкальную школу, гдѣ преподавались самыя рациональныя методы. Элиза Шмелингъ поступила въ эту школу и оставалась въ ней до 1771 года; ей было въ то время двадцать два года; голосъ ея сдѣлался необыкновенно гибкимъ, работаннымъ, нѣжнымъ и вмѣстѣ страстнымъ; Элиза могла считаться лучшей пѣвицей въ Германіи. Подробно изучивъ многія великія произведенія и лучшія методы всевозможныхъ школъ, щедро одаренная дарами гения и красоты, прелестью пѣвицы стоило только показаться, чтобы возбудить восторгъ самыхъ строгихъ судей. Ей открывалась блестящая карьера и таинственный благодѣтель, которому она была обязана своимъ воспитаніемъ, могъ теперь обратиться къ кому нибудь другому съ своими благодарностями.

Ангажированная на нѣсколько представленій ко двору, Элиза Шмелингъ дебютировала съ огромнымъ успѣхомъ въ оперѣ Гассе; превосходно исполненныя партіи въ лучшихъ произведеніяхъ Жомелли, Порпоры, Саккини возвеличили ея славу, какъ пѣвицы и драматической актрисы. Изящныя мелодіи итальянской школы и строгій классическій стиль нѣмецкой, находили въ ней безукоризненную исполнительницу.

Она блистала въ Дрезденѣ, какъ вдругъ одно непредвидѣнное обстоятельство еще болѣе расширило ея карьеру. Фридрихъ II, король Прусскій, потерявъ нѣсколько зубовъ, пересталъ играть на флейтѣ. Музыка, которую онъ прежде любилъ до безумія, болѣе его не привлекала, и артисты которымъ онъ прежде сильно покровительствовалъ, встрѣчали ледяной пріемъ и презрительное равнодушіе. Мрачный и неговорливый, король уволилъ всѣхъ придворныхъ музыкантовъ и пѣвцовъ, какъ выпроваживаютъ докучливыхъ гостей. Одинъ изъ придворныхъ Фридриха желая разсѣять меланхолію короля и пробудить въ немъ снова любовь къ музыкѣ, пред-

ложилъ послушать молодую пѣвицу, которой восхищались Дрезденскій дворъ. Но время для такого предложенія было дурно выбрано; монархъ не захотѣлъ скрывать своего неудовольствія. Къ тому-же другъ Вольтера и Даламбера, горлицій собесѣдникъ всѣхъ остроумныхъ писателей Франціи, Король прусскій ненавидѣлъ и презиралъ германскихъ пѣвицъ и писателей. Что это за г-жа Шмелингъ? говорилъ Фридрихъ, вѣроятно какая нибудь глупая болтушка, жадкая интригантка, отъ которой эти глупцы сходятъ съ ума... Еслибъ еще она была Француженка, Парижанка, по Шмака!.. Фп!..

Трудно было побѣдить предубѣжденіе Фридриха, по ему такъ часто говорили и такъ много хвалили Элизу Шмелингъ, что онъ наконецъ захотѣлъ услышать это необыкновенное чудо. Элизу пригласили въ Потсдамъ, любимую резиденцію прусскаго монарха; для нея назначили особенное представленіе и выбрали оперу Саккини. Публика собралась самая избранная и многочисленная; Берлинъ прислалъ цвѣтъ своихъ изящныхъ вельможъ и великолѣпныхъ красавицъ. Король собралъ около себя всѣхъ французскихъ артистовъ и литераторовъ, находившихся при прусскомъ дворѣ. Въ ожиданіи спектакля во всѣхъ концахъ залы начались разговоры; каждый считалъ долгомъ сказать что-нибудь о молодой пѣвицѣ и желая угодить королю, большая часть придворныхъ громко хохотала о предстоящемъ *fiasco*, ожидавшемъ новую примадонну.

Но смѣхъ прекратился когда Элиза Шмелингъ появилась на сценѣ. На всѣхъ лицахъ выразилось удивленіе, зрители не сводили глазъ съ дебютантки и только придворный этикетъ не допустилъ до громкихъ рукоплесканій. Но король первый подалъ знакъ къ аплодисментамъ. Фридрихъ, какъ истинный артистъ въ душѣ, легко переходилъ отъ презрительнаго равнодушія къ восторженному энтузіасму. Его тонкій, изящный вкусъ тотчасъ угадалъ въ г-жѣ Шмелингъ первоклассный талантъ, и благородный монархъ спѣшилъ загладить свое несправедливое презрѣніе.

Съ этого дня Элиза сдѣлалась придворной пѣвицей, съ жалованьемъ въ три тысячи талеровъ. Безполезно прибавлять, что милости оказываемыя ей королемъ тотчасъ-же привлекали къ ней общее вниманіе; поэты и писатели истощили весь запасъ своихъ восторженныхъ похвалъ, и каждое представленіе летѣло къ ногамъ прелестной пѣвицы букеты и вѣнки, сонеты и мадригалы, въ которыхъ ее сравнивали попеременно со всѣми мифологическими богинями.

(Окончаніе въ слѣдующемъ №).

ВЕНВЕНУТО ЧЕЛЛИНИ.

Статья Делиборда.

Читая нѣкоторыхъ современныхъ писателей, иногда невольно подумаешь, что въ наше время господствуетъ стремленіе унижать вѣковую славу предшественниковъ и оказывать снисхожденіе дерзкой посредственности, несправедливо возведенной въ гении. У насъ были историки, видѣвшіе въ Лудовикѣ XIV не болѣе какъ пышнаго, тщеславнаго безумца, поражающаго только торжественностью позъ, и въ

Генрихъ IV полѣтического шалуна,—и еще недавно одинъ великій поэтъ покушался на лавры Лафонтена. Правда, что подобныя выходки не могутъ имѣть важныхъ послѣдствій: каждый, въ такомъ случаѣ, можетъ повѣрить суду критики; но въ области искусствъ повѣрка труднѣе, потому что, для опроверженія ложныхъ мнѣній, нужно обладать специальными познаніями и опытностію, а пріобрѣтеніе ихъ для многихъ изъ насъ недоступно. Но чѣмъ опаснѣе состязаніе на этомъ поприщѣ, тѣмъ болѣе ощущается потребность критики, для разрѣшенія сомнительныхъ вопросовъ и оцѣнки ложно понятыхъ людей. Эта трудная обязанность не должна устрашать ее. Но критикѣ слѣдуетъ помнить, что оспаривая славу несправедливо пріобрѣтенную, она не должна посягать на заслуги истинныхъ артистовъ, и простирать свою строгость до систематическаго униженія; при соблюденіи этихъ условій, она можетъ говорить свободно, въ полной увѣренности, что пріобрѣтетъ одобреніе просвѣщенныхъ людей и что увидитъ наконецъ торжество истины надъ временными заблужденіями.

Неужели критика не можетъ смѣло высказать своего мнѣнія о второстепенномъ художникѣ, неправильно причисленномъ къ разряду высшихъ талантовъ, о характерѣ, безстыдно выказывающемъ свои слабости, о жпзни, волнуемой всѣми неблагородными страстями, и о которой почти всегда судили съ невѣроятнымъ спихожденіемъ? Въ исторіи искусства встрѣчаются имена, неимѣющія права на уваженіе, но пріобрѣвшія общенародную извѣстность безъ всякой опредѣленной причины и славу безъ строгой критической оцѣнки. Чье, напримѣръ, артистическое имя извѣстнѣе имени Челлини? Приключенія этого страшнаго героя и собственныя его записки, въ которыхъ онъ упоминаетъ о своихъ заслугахъ и рассказываетъ малѣйшія подробности своей жизни,—безъ сомнѣнія, послужили къ распространенію его извѣстности; но они необъясняютъ огромной его славы. Если строго разсмотрѣть его произведенія, то уваженіе къ нимъ значительпо уменьшится и возникнетъ удивленіе, отчего столь обыкновенный талантъ поставленъ въ уровень съ великими творцами искусства. Бенвенуто Челлини былъ не болѣе какъ второстепенный художникъ, *маленькій мастеръ*, какъ говорятъ о нѣкоторыхъ нѣмецкихъ и Нидерландскихъ художникахъ; однако же, по общему предубѣжденію, онъ считается наравнѣ съ знаменитыми мастерами. Романъ и театръ возвели трудолюбиваго золотыхъ дѣлъ мастера въ генія,—этого мало: они превратили презрѣннаго bravo (*убійцу*) въ благороднѣйшаго человѣка, мечтателя, почти мученика. Ничто не можетъ быть жалче этого лица. Постараемся выставить въ истинномъ свѣтѣ человѣка, неизвѣстно почему облеченнаго въ поэзію и таинственность и безъ мѣры превознесеннаго.

Еслибъ мы предполагали опровергнуть мнѣніе собственно о достоинствѣ его произведеній, то трудъ нашъ едва ли бы принесъ пользу. Намъ могли бы возразить: «что пужды, если въ спискѣ древнихъ мастеровъ будетъ однимъ именемъ больше или меньше? эта ошибка нарушила бы только іерархію талантовъ. Великая, напримѣръ, бѣда въ томъ, что Карлъ Дольчи, одинъ изъ самыхъ жалкихъ живописцевъ

итальянской школы, почитается многими выше его достоинствъ! Ошибка этого рода предосудительна только для вкуса.—Пусть такъ! но съ имепемъ Челлини связаны болѣе важные вопросы, касающіеся не только нарушенія изящнаго вкуса, но и эстетической нравственности художника. Изученіе работъ флорентинскаго мастера и разсмотрѣніе его біографіи открываютъ намъ неполноту этого таланта и происхожденіе его слабостей. Они доказываютъ, что не можетъ быть истиннаго вдохновенія и высокаго искусства, безъ нравственной чистоты и благородныхъ правилъ. По этому, изданіе сочиненій Челлини можетъ теперь принести пользу, даже въ предѣлахъ Италіи. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ только во Флоренціи и въ Римѣ современные художники нуждаются въ предохраненіи себя отъ тщеславія и стремленія къ легкимъ успѣхамъ?—Мы можемъ показать признаки такого же ошибочнаго направленія и у насъ. Никогда во Франціи таланты не были такъ многочисленны и такъ поощряемы, какъ въ настоящее время, и между тѣмъ Французская школа унала съ прежней высоты величія, потому что духъ спекуляціи сталъ сильно дѣйствовать на таланты и теперь искусство кажется не столько слѣдствіемъ трудолюбивыхъ изысканій, сколько выраженіемъ тщеславной ловкости. У насъ есть много живописцевъ, скульпторовъ, гравировъ, но, за весьма немногими исключеніями, нѣтъ художниковъ, т. е. людей, для которыхъ искусство болѣе чѣмъ ремесло и успѣхъ болѣе, чѣмъ скоропроходящая молва. По этому, не полезно ли будетъ указать на жалкія послѣдствія, производимыя въ искусствѣ упадкомъ нравственности? Вѣдь пытались же въ Спартѣ возбудить отвращеніе къ вину зрѣлищемъ излишняго его употребленія.

Весьма многіе читали собственную біографію Челлини; но сочиненія его, изданныя подъ названіемъ: трактатовъ о золотыхъ дѣлахъ мастерствѣ и о скульптурѣ, не пользуются такою общенародною извѣстностью, хотя содержатъ въ себѣ, вмѣстѣ съ правилами искусства, біографическія подробности, и обнаруживаютъ, также какъ и первое сочиненіе, его привычки, способности и характеръ. Послѣ перваго изданія трактатовъ, появившагося при жизни Челлини въ 1568 году и нынѣ весьма рѣдкаго, эти сочиненія подвергались страннымъ измѣненіямъ со стороны послѣдующихъ издателей и были болѣе или менѣе примѣняемы ко вкусу каждой эпохи. Впрочемъ, даже первое изданіе, напечатанное съ согласія Челлини и подъ его надзоромъ, воспроизводитъ текстъ оригинала мѣстами въ сокращенномъ и искаженномъ видѣ. Можетъ быть, художникъ, неполагаясь на свой слогъ, просилъ какого нибудь писателя сгладить его неровности, исправить грамматическія ошибки и исключить нѣкоторыя выраженія, погрѣшающія не только противъ синтаксиса, но и приличія. Какъ бы то нибыло, трактаты Челлини до настоящаго времени были издаваемы въ неполномъ и искаженномъ видѣ. Одинъ изъ самыхъ дѣятельныхъ и ученыхъ итальянскихъ писателей, занимающихся изданіемъ сочиненій объ искусствѣ въ ихъ отечествѣ, Карлъ Миланези, возстановилъ текстъ по манускриптамъ и, такимъ образомъ, забытая въ теченіе трехъ столѣтій истина явилась вновь на свѣтъ. Отчасти мы уже обязаны Миланези за превосходное

изданіе сочиненія Вазари о художникахъ, появившагося во Франціи въ послѣднее время; его недавній трудъ не менѣе важенъ, въ томъ отношеніи, что доставляетъ намъ возможность, по разсмотрѣніи жизни великихъ мастеровъ, судить также о жизни и значеніи человѣка, принадлежавшаго къ разряду пройдохъ въ искусствѣ, которыхъ типъ возобновился, спустя сто лѣтъ, въ Сальваторѣ Розѣ. Сличая сочиненія Челлини съ свидѣтельствами его практической способности, мы опредѣляемъ истинное значеніе этого таланта. Все показываетъ намъ, что репутація этого художника обязана его житейскому умѣнію обдѣлывать свои дѣла, и что мы только отчасти можемъ признать за нимъ славу, присвоенную имъ самимъ или приписанную другими, по довѣрію къ его словамъ.

Если спросить у многихъ почитателей Бенвенуто Челлини: на какихъ именно образцахъ его искусства основано ихъ удивленіе къ этому художнику, то имъ не легко было бы отвѣчать на этотъ вопросъ. Достоверныя произведенія Челлини въ той отрасли искусства, которая наиболѣе содѣйствовала его репутаціи, т. е. золотыя и серебряныя издѣлія, нѣмнѣ очень рѣдки. Тотъ, кто превозноситъ его царемъ золотыхъ дѣлъ мастеровъ, никогда, можетъ быть, не видѣлъ ни одного издѣлія его рукъ. Конечно, многимъ извѣстна его статуя Персея во Флоренціи; но еще вопросъ: можетъ ли это произведеніе искусства вполне оправдать славу художника? Что касается произведеній менѣе значительныхъ, вышедшихъ изъ его мастерской для украшенія медальныхъ кабинетовъ, шкаповъ, ризъ католическаго духовенства, то все они могутъ быть исчислены въ нѣсколькихъ строчкахъ; и притомъ, надобно побывать во многихъ странахъ, тщательно разсмотрѣть многія коллекціи для собранія необходимыхъ свѣдѣній. Весьма естественна, впрочемъ, чрезвычайная рѣдкость произведеній Челлини. Существенная ихъ цѣнность, бранный матеріаловъ, перемѣны вкуса, все содѣйствовало ихъ постепенному уничтоженію. Еще упущено изъ виду одно обстоятельство, заставляющее быть крайне осмотрительнымъ въ опредѣленіи творца сохранившихся произведеній. Все издѣлія золотого мастерства, все драгоценныя вещицы, принадлежащія къ Итальянской школѣ и XVI столѣтію, несмотря на ихъ стиль и достоинство, приписываются одному человѣку. Кто бывалъ въ Италіи, тотъ знаетъ по опыту, какъ мало можно довѣрять рассказамъ о мнимой плодовитости таланта Челлини. Имя его сдѣлалось, такъ сказать, ярлычкомъ, наклеиваемымъ безъ разбора на сохранившіяся произведенія; все равно, какъ на Юлія Ромена хотѣли возложить отвѣтственность за все хорошія и дурныя копии картинъ Рафаэля. Искусство золотыхъ дѣлъ сдѣлалось до такой степени тождественнымъ съ именемъ Челлини, какъ будто ничего изящнаго не было въ Италіи до появленія Челлини. Нужно, прежде всего, опровергнуть это ошибочное мнѣніе.

Золотыхъ дѣлъ мастера — первые содѣйствовали успѣху искусствъ, совершенному въ Италіи отъ среднихъ вѣковъ до конца XV столѣтія. Почти все превосходныя скульпторы, живописцы и архитекторы этой эпохи обучались сна-

чала у золотыхъ дѣлъ мастеровъ. Приведемъ только знаменитыя имена: Джованни ди Пиза, Органья, Филиппо Брунеллески получили первое образованіе въ этой скромной школѣ. Немного позже, Донателло, Вероккіо и нѣсколько другихъ болѣе или менѣе знаменитыхъ мастеровъ ознаменовали начало своего поприща искуснымъ извлеченіемъ вазъ и статуекъ, оправкою драгоценныхъ камней, наведеніемъ черновой работы на дискосахъ и церковныхъ сосудахъ. Часто случалось, что они, достигнувъ успѣховъ въ болѣе важныхъ отрасляхъ искусства, возвращались къ этимъ скромнымъ, по видимому, работамъ, но воплѣ достойнымъ ихъ таланта, потому что они умѣли придавать имъ граціозный характеръ. Такъ Гвберти, окончивая врата крестильнаго придѣла во Флоренціи, — твореніе знаменитое и признанное всемірно дражаемымъ, — вставлялъ брилліанты въ золотую панскую корону, заказанную ему Папою Евгеніемъ IV. За нѣсколько лѣтъ предъ симъ онъ занимался подобною работою для Папы Мартина V и оправкою печати для Іоанна Медичи, сына Космо. Короче сказать, отъ золотого *pallotto* *) возбуждающаго удивленіе въ церкви Св. Амвросія въ Миланѣ, до алтаря, украшающаго соборъ въ Пистоѣ и котораго почти все исполненіе принадлежитъ къ XIV столѣтію, отъ медалей до черновой работы, — все свидѣствуетъ что золотыхъ дѣлъ мастерство было въ превосходномъ состояніи въ Италіи прежде чѣмъ Бенвенуто Челлини сталъ записываться имъ.

(Продолженіе впрелѣ).

ИНОСТРАННЫЙ ВѢСТНИКЪ.

Извѣстія изъ Парижа—Лондона—Италіи—Вены—Берлина. — Русскіе артисты за границей. (Г-жа Леонова).

Въ Парижѣ жары необыкновенныя, время самое неблагоприятное для театровъ и по этому большая часть изъ нихъ заперли свои двери до сентября, но въ нѣкоторыхъ представленія продолжаются, Парижъ уже такъ созданъ, не можетъ жить безъ театра. Отъ времени до времени являются и новосты, и театралы невольно должны оставлять свои загородныя убѣжища, спѣша занимать свои обычные мѣста въ одномъ или другомъ театрѣ. Итакъ недавно новая драма г. Шарля Эдмола (бывшаго секретаря принца Наполеона): «*Les Mers polaires*» — (Полярныя моря) привлекла въ Театръ-Циркъ многочисленную и избранную публику. Многіе придворныя, вся парижская критика и извѣстнѣйшіе литераторы собрались въ этотъ вечеръ въ театрѣ. Между прочимъ нельзя было не замѣтить: гг. Понсара, Ожье, Александра Дюма (сына), Барриера и др. Пятиактная драма продолжалась до половины втораго послѣ полуночи, но все оставалось на своихъ мѣстахъ изъ желанія выказать молодому автору свою симпатію; во время представленія рукоплесканія часто раздавались по залѣ, хотя судя по отзывамъ извѣстнѣйшихъ критиковъ, пьеса довольно слаба и отличается преимущественно великолѣпною постановкой, декорациями и танцами. Содержаніе драмы заимствовано изъ

*) Лицевая сторона алтаря.

грустной исторіи несчастнаго капитана Франклина и его двухъ кораблей «L'Égèbe» и «la Tergreug». Восемь лѣтъ минуло, когда Франклинъ съ своими отважными товарищами оставилъ отечество и принужденъ скитаться между полярными льдинами, разбившими его корабли. Англія, отправляетъ ежегодно экспедиціи для отысканія несчастныхъ. Французъ, поручикъ Белло—одинъ изъ пачальниковъ экспедиціи и благодаря его познаніямъ и опытности, Франклинъ вѣроятно будетъ спасенъ... но измѣнникъ Ярлей (матросъ) не желаетъ, чтобъ Франклинъ былъ спасенъ и чтобъ поручикъ Белло увидѣлъ свою отчизну; Франклинъ и Белло должны умереть. Все дѣло въ томъ, что Ярлей, отчаянный злодѣй, убѣжавъ изъ тюрьмы, надъ которой начальство вѣрело было Франклину; вступилъ посредствомъ фальшивыхъ документовъ въ морскую службу, и еслибъ Франклинъ возвратился въ Англію, то безъ сомнѣнія этотъ старый и честный морякъ выдалъ бы его. Стало бытъ онъ долженъ погибнуть. Что же касается поручика, то онъ любитъ Миссъ Еву, которую въ свою очередь обожаетъ Ярлей. Онъ съ удовольствіемъ, съ наслажденіемъ смотритъ на погибающаго Белло, когда ему стоило подать только руку, чтобъ спасти его. Злодѣй наказанъ и умираетъ въ ужасныхъ страданіяхъ, на этомъ же страшномъ ледовитомъ морѣ во время ужасной бури, представляющей собою великолѣпнѣйшую декорацию. Что сдѣлалось съ Франклиномъ и его товарищами—извѣстно только одному Богу... Вотъ на чемъ основано главное содержаніе піесы, изъ чего легко можно заключить, что весь интересъ сосредоченъ дѣйствительно въ декорацияхъ, и что новая драма будетъ держаться до тѣхъ поръ въ репертуарѣ, пока Парижане не налюбуются вдоволь постановкой. Извѣстно, что большая часть парижской публики не можетъ жить безъ такъ называемыхъ представлений à grand spectacle. Піеса была разыграна весьма дружно. Въ 4-мъ дѣйствіи вызвалъ громкія рукоплесканія какъ хореграфъ и танцоръ—г. Матье. Не смотря на тропическій жаръ, зрители были одушевлены и громко высказывали свой восторгъ, вѣроятно видъ снѣговъ и льда, освѣжалъ если не зало, то по крайней мѣрѣ глаза зрителей. Французскій театръ (Théâtre Français) торжественно отпраздновалъ 6 іюня годовщину рожденія Корнелла, представленіемъ, составленнымъ изъ Поліевкта и Агуна (Menteur). Г-жа Фавартъ, эта жемчужина изъ вѣика Рашеля, исполнила роль Полины. Ей сильно аплодировали. Въ театрѣ разнообразія (Variétés) явились два довольно жалкіе новые водевили съ переодѣваніемъ (pièces à travestissement) «Une dame pour voyager» и «Ne touchez pas à la tante». Въ первой изъ нихъ новая водевильная звѣзда г-жа Нелли, увлекла всѣхъ своей развязной игрой и спасла этимъ авторовъ отъ свистка. Амбиги (L'Ambigu) возобовилъ «Парижскихъ нищихъ», пользующихся въ Парижѣ по настоящее время большимъ успѣхомъ. Вотъ и всѣ театральныя новости, къ которымъ присоединимъ, что послѣ исполненія въ Фонтенбло артистами Одеона прекрасной піесы г-па Ожье «la Jeunesse», Императоръ по жаловалъ автора кавалеромъ ордена Почетнаго Легіона. Читатели наши вѣроятно помнятъ еще прекрасную пѣвицу г-жу Тедеско, пѣвшую

у насъ, къ сожалѣнію, только въ теченіе одного сезона. Она въ послѣднее время производила необыкновенный фуроръ въ продолженіи 6-ти мѣсяцевъ въ Лисабонѣ, въ особености въ Іоапифъ и Гусманъ, и возвратилась нынѣ въ Парижъ, откуда отправляется въ Мадридъ, гдѣ она, какъ увѣряютъ, ангажирована за баснословную сумму. Мы всегда принадлежали къ числу поклонниковъ г-жи Тедеско, безъ сомнѣнія одной изъ лучшихъ драматическихъ пѣвицъ, обширный, звучный и сильный голосъ и въ особености замѣчательныя низкія ноты которой, производили на насъ всегда необыкновенное впечатлѣніе (вспомните Осаду Генга, Сиварда Саксонца. Въ особености она была неподражаемо-хороша въ роли Филесы. При всѣхъ этихъ достоинствахъ, паружность г-жи Тедеско привлекательна, игра исполнена чувства и драматизма... Не смотря на всѣ эти качества у насъ образовались въ то время партіи (охъ, ужъ эти партіи!) и знаменитая пѣвица, съ сокрушеннымъ сердцемъ, принуждена была оставить Петербургъ, теперь ею наслаждается Испанія; до того, она восхищала Парижъ, Италію, а къ намъ вѣроятно не заглянетъ и по дѣломъ! вспомните Альбони. Жаль, право жаль. Артистъ, который послѣ г-жи Тедеско имѣлъ больше всего успѣха въ Лисабонѣ, это теноръ Нери-Баральди, котораго считаютъ въ настоящее время однимъ изъ лучшихъ итальянскихъ теноровъ. Теперь онъ поетъ въ Ковенгардскомъ театрѣ въ Лондонѣ. Кстати о Лондонѣ. Нынѣшній концертный сезонъ тамъ необыкновенно блистателенъ. Концерты въ Кристалномъ дворцѣ Сиденгама, даваемые артистами ковенгарденскаго театра, подъ управленіемъ Косты, првлкаютъ толпу. Въ первомъ концертѣ, г-жа Нантье-Дидье привела въ восторгъ публику дивнымъ исполненіемъ ари пажы изъ Гугенотовъ. На другой день въ томъ же залѣ явились съ большимъ успѣхомъ: г-жа Віардо и Шерингтонъ и г-да Рейхардтъ и Пишекъ. Рубинштейнъ принималъ участіе въ Филармоническомъ концертѣ и заслужилъ всеобщее одобреніе за прекрасное исполненіе концерта Моцарта и фуги собственного сочиненія. Отличный пианистъ Шарль Галле даетъ классическія утра, на которыя собирается многочисленная публика. Онъ производитъ восторгъ мастерскимъ исполненіемъ произведеній Бетховена, Баха, Гайдна, Мендельсона, Шопена и Стефана Геллера. Въ театрѣ Королевы: «Гугеноты» и «Свадьба Фигаро», а въ Ковенгардскомъ «Лукреція Борджія», даютъ большіе сборы. Разучиваютъ Марту. На Друри-Ланскомъ театрѣ, бенефисъ г-на Бальфа состоялся блистательнымъ образомъ. Давали его оперу: «Кастильская роза». Старинная наша знакомая г-жа Персіппи, опять явилась на лондонскомъ музыкальномъ горизонтѣ и по прежнему производитъ фуроръ въ аристократическомъ кругу. Не смотря на то, что голосъ знаменитой пѣвицы лишился уже той свѣжести и силы, которыми отличался прежде, она по сіе время поетъ съ искусствомъ, съ которымъ не можетъ сравниться ни одна изъ современныхъ пѣвицъ. Дѣйствительно г-жа Персіппи одна изъ замѣчательнѣйшихъ въ мірѣ вокалистокъ, стоитъ только вспомнить партію Розины, которую она исполняла съ такимъ успѣхомъ у насъ въ Петербургѣ. Хотя иногда интонація и измѣняетъ г-жѣ Пер-

сіяли, но дивная ея метода и симпатичный голосъ невольно заставляютъ слушателя забыть этотъ недостатокъ и вопли привлекають его на сторону пѣвицы. Она принимала недавно участіе въ музыкальномъ утрѣ г-на Маррасъ и довольно было ея имени, чтобъ привлечь самое блистательное общество, въ главѣ котораго находились герцогиня Камбриджская и княгиня Марія. Трудно описать возбужденный ею энтузіазмъ. Она исполнила арію изъ Шуританъ: «Qui la voce sua soave», съ тонкостью и съ выраженіемъ свойственными только этой великой пѣвицѣ, дуэтъ съ г. Мовари и тріо Чимарозы съ г-жами Кембле и Рудерсдорфъ. Утро это принадлежитъ къ числу блистательнѣйшихъ въ нынѣшнемъ сезонѣ.

Италія представляетъ намъ не много новаго; лучшіе пѣвцы ея вѣроятно хорошо помнятъ, что «nul n'est prophete dans son pays» и поэтому предпочитаютъ наслаждаться макаронами на англійскіе фунты стерлинговъ или русскіе рубли, скромнѣйшіе изъ артистовъ испытываютъ свое счастье въ Испаніи или гдѣ бы то ни было, только бы ускользнуть отъ жадныхъ импресаріо, и неудивительно что на главнѣйшихъ театрахъ Италіи владѣютъ одні посредственности, употребляющія всѣ возможныя усилія *прокричать*, кто какъ лучше можетъ, произведенія маэстро Верди, который торжествуетъ; а между тѣмъ искусство клонится все болѣе и болѣе къ упадку! Впрочемъ, къ общему удивленію, недавно въ Римѣ явилось произведеніе другаго маэстро, и замѣтьте съ успѣхомъ, мы говоримъ о новой оперѣ Пачини: «Il Saltimbanco». Въ началѣ этого мѣсяца въ Неаполѣ случилось ужасное приключеніе, доказывающее какъ опасно водить дѣтей въ театръ, въ особенности когда даютъ трагедіи и вообще серьезныя пьесы. Сообщаемъ подробности, могущія служить урокомъ тѣмъ изъ родителей, которые слишкомъ балуютъ своихъ дѣтей, ни въ чемъ имъ не отказываютъ. Маркиза Кателучіо отправилась съ своими дѣтьми, изъ которыхъ старшій еще не достигъ осмилѣтняго возраста, въ театръ Флорентини въ Неаполѣ; давали Ореста Альфieri, который произвелъ на молодыхъ зрителей большое впечатлѣніе. На другой день, дѣти играя, хотѣли представить послѣднюю сцену, и старшій схвативъ кухонный ножъ, который долженъ былъ замѣнить кинжалъ, вонзилъ его въ горло своей сестры, которая скончалась на мѣстѣ. Затѣмъ ранивъ опасно своего брата, онъ воткнулъ убійственный инструментъ въ свое сердце. Въ эту минуту вошла мать, и легко представить себѣ ея отчаяніе. Вотъ что значитъ необдуманное желаніе доставить дѣтямъ удовольствие.

Пишутъ изъ Женевы:

Вслѣдствіе огромнаго успѣха, которымъ пользовалась въ Парижѣ трагедія Джакомети, «Юдитта», знаменитая Ристори обратилась къ автору съ просьбою написать для нея еще одну трагедію. Джакомети принялся за дѣло и говорятъ, что новое его произведеніе явится въ слѣдующемъ году на итальянскомъ театрѣ въ Парижѣ. Посятея слухи, что парижское правительство намѣрено пожаловать даровитому автору крестъ за гражданскія заслуги (la croix du mérite civil).

Какъ извѣстно уже нашимъ читателямъ, итальянскій сезонъ въ Вѣнѣ нынѣ не удался. «Арольдо» Верди потерпѣлъ совершенное fiasco и этою-то новостію и ограничился скудной репертуаръ. Въ нослѣднее время давали еще Монтекки и Капулетти (Ромео и Юлія) и публика бросалась слушать это нѣсколько уже устарѣвшее произведеніе Беллини, надѣясь насладиться чуднымъ, едва ли не мужскимъ голосомъ, г-жи Брамбиллы Маруэли, сильный тембръ которой и драматическая воспримчивость обѣщали въ роли Ромео, что-то необыкновенное. Надежды вѣнцевъ не сбылись—любимой ихъ пѣвицѣ какъ-то неловко было въ мужскомъ костюмѣ. Голосъ и игра ея лишены были свойственной ей увѣренности, на каждомъ шагу замѣтно было, что рыцарю Ромео недостаетъ... кринолина, и Монтекки и Капулетти, исполненіе которыхъ вообще было ниже посредственнаго, потерпѣли тоже паденіе, увеличивъ только негодованіе абонементовъ. Чтобъ въ будущемъ кое-какъ поправить дѣла, директоръ оперы отправился въ Парижъ, съ цѣлью вооружиться къ слѣдующему сезону новыми силами т. е. пѣвцами. Успѣлъ ли г. директоръ въ своемъ предпріятіи, заключающемся по словамъ парижскихъ журналовъ въ «recherche de la meilleure des cantatrices», пока еще тайна, извѣстно только, что любимая, 7 лѣтъ тому назадъ, пѣвица Лагура ангажирована вновь, за то вѣнская звѣзда г-жа Титциенсъ, кажется, навсегда поселилась въ Лондонѣ. Кларисса Гарлове «Clarissa Harlowe», опера маэстро Перелли тоже немѣла ни малѣйшаго успѣха. Во всей оперѣ ни одной оригинальной мелодіи, тутъ все заимствовано и заимствовано безъ церемоніи, такъ что во весь вечеръ приходится слушать безконечное попури. Однимъ словомъ неудача за неудачей и вѣнскіе меломаны, въ ожиданіи лучшаго, стали искать утѣшеніе въ нѣмецкой оперѣ, которая открылась педѣли три тому назадъ оперою: «Fohengrün»—(Логенгринъ). Профессоръ Гейдель изъ Берлина, копчилъ модель памятника сооружаемаго Генделю въ Гатѣ. Памятникъ вышиною въ 8 стопъ. Пюпитръ, на которомъ облакачивается композиторъ, поддерживается двумя фигурами: Давидомъ и Ореемъ; на верхней части изображена св. Цецилія подъ чертами Женви Липль. На пюпитрѣ находится партиція *Messia*, памятникъ воздвигнутъ будетъ на гранитномъ пьедесталѣ вышиною въ 5 стопъ.

Настало наконецъ время когда и наши русскіе артисты производятъ за границей, какъ говорятъ иностранцы: «Sensation» и талеры, франки и стерлинги стали переходить въ ихъ карманы. Такъ наприм. Ришардъ любимица парижской публики; Надежда Богданова свеласъ ума Берлинцевъ, которые щедро надѣлили ее цвѣтами и талерами, и въ то время, когда облакская Нѣмцами, сльфида наша пархнула въ Цестъ съ намѣреніемъ перенестись оттуда на своихъ могущественныхъ крыльяхъ въ Италію, въ Берлинѣ явилась другая русская артистка, наша отличная пѣвица Леопова и хотя еще не выступила публично, успѣла произвести уже большое впечатлѣніе. Она пѣла передъ Мейерберомъ и знаменитый композиторъ въ восторгѣ отъ звучнаго и обширнаго ея голоса и драматическаго выраженія, съ какимъ г-жа Леопова передаетъ все исполняемое ею. Она исполнила нѣ-

сколько романсовъ Глинки и до того восхитила маэстро, что онъ противъ обыкновенія сталъ ей самъ аккомпанировать, безпрестанно восклицая: «quelle belle voix, quel sentiment, quelle force и пр.» и наконецъ, когда г-жа Леонова спѣла новый его романсъ, съ французскими словами, онъ рѣшительно увлекся, предложивъ пѣвицѣ свои услуги и протекцію вездѣ, гдѣ бы они ни встрѣтились; къ осени онъ приглашаетъ ее въ Парижъ, общался тоже при первомъ случаѣ представить ее при Берлинскомъ дворѣ, который теперь въ разбѣздѣ. Стало быть первый шагъ г-жи Леоновой за границей вполне удался и мы не сомнѣваемся въ дальнѣйшихъ ея успѣхахъ. Всѣ сообщенныя нами свѣденія мы извлекли изъ самыхъ положительныхъ и вѣрныхъ источниковъ. Въ одной гостинницѣ съ г-жею Леоновой остановился и Дюма (отецъ), отправившійся вмѣстѣ съ извѣстнымъ любителемъ и покровителемъ искусствъ графомъ Григоріемъ Куселевымъ-Безбородко въ Петербургъ. Графъ представилъ русскую пѣвицу французскому писателю, который прослушавъ ее, тоже пришелъ въ необыкновенный восторгъ, поспѣшивъ послать о произведенномъ ею на него впечатлѣніи фельетонъ въ Парижъ, и падѣливъ вмѣстѣ съ тѣмъ артистку рекомендательными письмами. Въ добрый часъ, пора же наконецъ, чтобы иностранцы узнали, что и у насъ есть таланты, что и у насъ развивается все болѣе и болѣе любовь къ искусству.

Окончимъ сегодняшній вѣстникъ извѣстіями изъ Нью-Йорка. Оперный сезонъ кончился, если 4 представленія, данныя г-жею Лагранжъ и г-номъ Ронкони можно назвать сезономъ. Даны были слѣдующія оперы: «Любовный напитокъ», «Севильскій цирюльникъ» и «Липда». Г. Ронкони все еще неподражаемый Дулькамара и Фигаро, если онъ и не владѣетъ вполне вокальными средствами, за то овъ все тотъ же замѣчательный артистъ, умѣющій скрыть недостатокъ своего голоса необыкновеннымъ искусствомъ, умѣющій смѣшнить до слезъ въ комическихъ амплахъ и тронуть слушателя до глубины души въ драматическихъ роляхъ, какъ напр. Фермера въ Липдѣ. Ронкони останется великимъ артистомъ до гробовой доски, онъ принадлежитъ къ тѣмъ рѣдкимъ музыкальнымъ личностямъ, которыя никогда не старѣются. Г. Ронкони оставилъ Нью-Йоркъ, онъ отправился вмѣстѣ съ г-жею Лагранжъ и теноромъ Тиберини. Тамошніе меломаны въ отчаяніи, ни одна пѣвица не достигла въ Америкѣ такой популярности, какъ г-жа Лагранжъ. Восторженно прощалась съ пей и г. Ронкони публика Нью-Йорка. Г-жа Лагранжъ ангажирована въ Рио-Жанейро за баснословную сумму (за два года 120,000 долларовъ, кромѣ бенефисовъ, подарковъ и пр.). Г-жа Газанига, пользовавшаяся большимъ успѣхомъ въ Гаваплѣ и Филадельфія, ангажирована въ Мадритѣ. Извѣстная въ Италіи пѣвица (сопрано) г-жа Боскети ангажирована въ Нью-Йоркъ.

МУЗЫКАЛЬНЫЯ СОЧИНЕНІЯ,

изданныя и продающіяся въ магазинѣ

Ф. СТЕЛЛОВСКАГО,

бывшаго И. Пеца, въ Большой Морской, въ домѣ
Лауферта № 27, въ С. Петербургѣ.

Pour le Piano seul.

(Для одного фортепiano въ двѣ руки).

HENSELT, A. Air bohémien	40
» Cadence pour le concert en Ut mineur de L. van Beethoven	75
» Chœur et Ballet (Dem Frieden Heil! nach Sturmes-tagen!) de l'opéra: Euryanthe de C. M. de Weber, transcrit.	1 —
» Exercices préparatoires (3me édition)	1 50
» Das ferne Land	50
» Invitation à la danse de Weber, arangée pour être jouée dans les concerts à 2 mains	1 50
» Liedeslied. Etude, Nouvelle Edition	40
» Ouverture Coriolan de Beethoven, transcrit	1 30
» Ouverture de l'opéra: Euryanthe de C. M. de Weber, transcrit	1 50
» Ouverture de l'opéra: Freyschütz de C. M. de Weber, transcrit	1 50
» Ouverture de l'opéra: Oberon de C. M. de Weber transcrit	1 50
» Polacca brillante (E dur) op. 72, de C. M. de Weber. arrangée pour être exécutée dans les concerts. (Nouvelle édition)	1 40
» Quatuor, Mi manca la voce de l'opéra: Moïse	75
» Romance de Dargomijsky (Я все еще его люблю!) transcrit.	85
» Romance de Taneeff	75
» Romance de Thal, transcrit	60
» Wiegenlied. Etude	75
HERZ, H. Rondo alla Pollaca, op. 2	85
» Variations sur la romance: Ma fanchette est charmante, op. 10	1 40
» Variations sur un air tyrolien, op. 13.	85
» Introduction, variations et rondeau, sur l'air «O dolce contento», op. 16	85
» Variations de bravoure sur la romance Joseph, op. 20	1 15
» Rondo caractéristique sur la barcarolle de Marie. op. 33	85
» Contredanse varié suivi d'une Valse, op. 35	1 15
» La Suisse au bord du lac. Air varié, op. 39	60
» Introduction et rondo sur un air du Ballet de Moïse, op. 41, № 2	70
» La Chasse. Rondo sur un thème de Moïse, op. 41. N 3	70

(Продолженіе въ слѣдующемъ №).